

Рукописи и переводы

Publications and Translations

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-52-61>

EDN: OTXFYF

Рукопись / Manuscript

Самопознание, самосознание и объективация

В. Сеземан

Под редакцией Д. Йонкуса

Университет Витаутас Магнус,
Lithuania, 44248, LT-44243, Kaunas, K. Donelaičio, 58
phenolt@yahoo.com

Аннотация. Рукопись «Самопознание, самосознание и объективация» — это текст из рукописного фонда В. Сеземана Вильнюсского университета (F122—102). Рукописный текст в блокноте датируется третьим кварталом 1954 г. (Краснокамск). Записи сделаны чернилами, кое-где карандашом. Текст написан во время пребывания Сеземана в трудовом лагере в Тайшете (Иркутская область) 1950—1955 г. Ввиду ограниченности журнального объема публикаций приводится только часть текста Сеземана.

История статьи:

Статья поступила 25.05.2022

Статья принята к публикации 01.12.2022

Для цитирования: Сеземан В. Самопознание, самосознание и объективация / под ред. Д. Йонкуса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 52—61. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-52-61>

© Сеземан В., 2023

© Йонкус Д., под ред., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Self-knowledge, self-consciousness and objectification

V. Sesemann

Edited by *Dalius Jonkus*

Vytautas Magnus University,
58, K. Donelaičio, 44248, LT-44243, Kaunas, Lithuania
phenolt@yahoo.com

Abstract. The manuscript “Self-knowledge, self-consciousness and objectification” is the text of Sesemann’s manuscript collection, Vilnius University (F122—102). The manuscript in the notebook dates from the third quarter of 1954 (Krasnokamsk). The notes were made in ink, some in pencil. The text was written during Sesemann’s stay in a labor camp in Taishet (Irkutsk region) in 1950—1955. Due to the limited volume of publications in the journal, only part of Sesemann’s text is given.

Article history:

The article was submitted on 25.05.2022

The article was accepted on 01.12.2022

For citation: Sesemann V. Self-knowledge, self-consciousness and objectification. Jonkus D., editor. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):52—61. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-52-61>

Человеческое сознание в своей динамической подвижности и со своей способностью к развитию, углублению и расширению, содержит в себе уже в большей или меньшей степени момент самосознания, из которого в дальнейшем вырастает самопознание в полном смысле слова. Самосознание потенциально или актуально сопровождает всякий акт переживания и познания, сознательного действия. Это сказывается уже в том, что мое тело, хотя оно с материальной (предметной) стороны такое же тело как все другие материальные тела; оно в то же время радикально отличается от них тем, что оно есть мое тело, что все те воздействия, которые оно испытывает извне и те процессы, которые протекают в нем (как функционирование его органов) переживаются и сознаются как мои ощущения, восприятия, чувства — повсюду присутствует на переднем плане или заднем плане момент самочувствия. И даже в моменты полного самозабвения, полного погружения сознания в объект или действие, сохраняется возможность и способность к всплытию на поверхность, возвращения сознания в обычное бодрствующее сознание (способное переключаться), а также воспоминание о том, что это мои образы, мысли и переживания. Сохраняется единство личности (Я) во всех изменениях содержания и состояния сознания. Речь идет только о сознании в его собственных пределах, не о его подпочве в виде подсознания или глубинного сознания. В этом самосознании (самочувствии, самоощущении) нет деления на

субъект и объект, оно дорефлексивно, но оно необходимое условие самопознания. Иначе самопознание было бы неотличимо от познания [неразбор.] О том, что субъективное [неразбор.] все что мое, относящееся к „моему“ телу, познается научно лишь в объективной форме, свидетельствует следующие обстоятельства:

1) В области естествознания мое тело и его жизнь (зарождение, развитие, функциональное равновесие, увядание, смерть) — рассматривается и изучается как любое другое (не моё). Физические и химические закономерности определяемые моментами пространства — времени и массы — энергии (движущейся материи). Субъектность здесь отсутствует или если и присутствует в скрытой непознанной форме (сила, энергия) — определяются известными количественными отношениями, с определенными коэффициентами и моментами времени, пространства, массы. Но об этом особый разговор. Во всяком случае, современное естествознание исключает из этих понятий какое-то ни было „антропоморфическое“ значение. А вместе с антропоморфизмом выбирается и всё субъективное без исключения.

2) Субъектность в своем своеобразии изучается психологией. Субъективное или вернее специфически субъектное — это область психического. Данные чувственного опыта здесь являются не свойствами предметного мира, а как мои — ощущения определенного субъекта. Двуликость этих данных: субъективная и объективная сторона, отношение их к переживающему субъекту и отношение к объективному миру и его связям, закономерностям. Отсюда параллелизм между психологией и физиологией принципиального характера: каждому психическому переживанию соответствует известные процессы в центральной нервной системе. Но конкретно может быть обнаружен для простейших чувственных данных (ощущений, образов) их ассоциаций. Психофизиология: связь раздражения с возбуждением и ощущением (интенсивность, пороги и пр.; Психофизический параллелизм. Разные его толкования. Метафизическое: Спиноза, Фехнер; позитивистическое-конвенциональное. Два аспекта: зависящие от отношения, которое устанавливается между чувственными данными. Объекты и мое тело (субъект) или объект с другими объектами. Или два языка: физикалистский (физико-химические процессы) и язык ощущений и их пространственно-временных структур. (Карнап). Но в позитивистическом толковании — аспект материалистический (физико-химический) получает основополагающее значение. Нет полного, сплошного параллелизма. Не всякому физическому явлению соответствует психическое, а лишь вполне определенным (процессам в нервной системе, в мозговом центре). Причем причинная связь (каузальное единство) осуществляется полностью лишь в физическом плане бытия. В психическом физическое лишь частично отражается, и притом с пробелами, перерывами. Психическое в этом смысле даже не феномен, а эпифеномен, зависящий от физико-химической основы. Он не самостоятелен. Отрицание взаимодействия физических и пси-

хических явлений. Возникающая отсюда трудность объяснения взаимоотношений смысловых связей с физически причинными. (Не одноплановость и качественная разнородность физически-материального и чувственно-феноменального аспекта). Первый имеет характер конструкции, сводящей все качественное многообразие чувственных данных к количественно-определенным закономерностям некоторых основных элементов (моментов чувственного мира: пространство, время, материя, энергия). Второе ограничивается систематическим упорядочиванием чувственных данных и их явлений (структуры пространства и времени). Но и психические переживания при таком подходе рассматриваются как данности, как объективные факты, противостоящие субъекту. Полное элиминирование субъекта и субъектности называется в том, что он рассматривается как вторичная конструкция (мышления? разума?) и что поэтому с научной точки нельзя говорить „я мыслю то-то и то-то“, а лишь имеется такая та мысль (представление, восприятие, ощущение и т. п.) соотношенная с таким-то телом, в такое-то время, в таком-то месте. Самонаблюдение всегда связано с известной более или менее ясно выраженной объективацией наших переживаний, так как будто мы их наблюдаем со стороны, как будто наблюдаемый и наблюдающий различны. Известное различие есть, поскольку самонаблюдение всегда относится не к настоящему моменту совершения самого акта, а к прошлому либо уже отдаленному и отличенному от настоящего, либо непосредственно с ним сливающимся, в нем продолжающемся (ср. Кант: самонаблюдение невозможно также как глаз не может видеть самого себя, крайняя точка зрения объективизма имманентного).

Из этого объективистического подхода, отрицающего самонаблюдения или стремящегося свести его значение и роль в научном знании до минимума, берет свое начало и так называемый бихевиоризм, полагающий что объективная (научная) психология, психология животных, внутренняя жизнь которых нам вообще недостижима, но также психология человеческих существ, социальная психология, психология массы, детей, умалишенных, где самонаблюдения неточны, невыразимые словесно, должна изучать и считать своим предметом не переживания душевные, а их поведение в самых разнообразных действиях, их реакции на те или другие конкретные ситуации, которые выражаются в определенных движениях, поступках, жестах, мимике, изменениях дыхания, кровообращения и подобных внешних, чувственно воспринимаемых проявлениях. Здесь получается уже более точное соответствие между мозговыми процессами и внешними проявлениями в движениях, звуках и т. д. Но и здесь возникает вопрос: может ли бихевиоризм действительно обойтись без данных самонаблюдения, без учета субъектного момента и его данностей, к которым относится и которыми обуславливается все то, чему присваивается смысловое значение.

Но особенно четко этот объективистский подход проявляется в научном познании мышления — в логике. 1) Вся структура мышления зафиксирована

в логических формах понятий, суждений и умозаключений. Все научные теории и понятия должны удовлетворять требованиям однозначной определенности, которая обусловлена законами логическими. Мысль здесь опредмечена в однозначном содержании понятий, суждений, умозаключений. Строгая разграниченность, дискретность, статический аспект мышления.

2) Объективация мышления в слове, в речи, в чувственных знаках. Значение слова для фиксации точности и ясности мысли. Отсюда понимание логики как синтаксиса мышления. Неразрывность мышления со структурой речи (Карнап и другие). Словом, речью фиксируется общее (роды, виды предметов, явлений) и их общие связи. По существу, и предметное обобщение сводится к связям вплоть до простейших элементов категорий. (Абстракция, анализ и синтез). Объективация мышления, а также всего психического есть вместе с тем и символизация. И притом символизация в двойном смысле. Во-первых, символизация охватывает всякое знание, будет ли это познание внешнего чувственного мира или познание психического, духовного бытия. Повсюду в знании (в мышлении), какого бы ни было его содержание, выделяется общее из конкретного сплетения явлений, из сращенности с конкретным в действительности и противопоставляется единичному и фиксируется сначала в наглядных образах, затем в словах-символах. Но и наглядные образы уже становятся символами, поскольку они обозначают собою общее. Но это символы натуральные, естественные, ибо непосредственно связанные с природой (чувственной) самого предмета, в отличие от символов условных или искусственных, какими являются слова и всякого рода сигнальные знаки. Эти условные (конвенциональные) знаки необходимы там, где сам предмет имеет нечувственный характер, не может быть *непосредственно* представлен наглядным образом. И это касается в одинаковой мере как физического, так и психического мира. Но символичность психического и духовного является в значительной степени еще более глубокой в том смысле, что она опирается на символику внешнего чувственного мира и ее так или иначе предполагает. Эта ослабленность символики психического обусловлена тем, что сознание, а постольку и познание, прежде всего направлено на внешний мир, а лишь потом и на внутренний мир человека. Это не значит, что первоначально сознается только внешние, чувственные явления, при полном отсутствии сознания внутреннего (собственно субъективного). Это значит лишь, что интенция сознания направлена на внешний мир, он находится в фокусе сознания. Субъективное же, (внутреннее состояние субъекта) сознается лишь попутно, как нечто сопутствующее познанию внешнего бытия и вместе с тем эмоционально его окрашивающее. И лишь в акте *рефлексии* интенция сознания обращается к субъективной стороне так что она попадает в его фокус. (*Intentio recta* и *intentio obliqua* схоластиков). В рефлексии внутреннее переживание (субъективная сторона содержания сознания) *объективируется*, т. е. становится противостоящим субъекту предметом. В этом смысле до известной степени *отчуждается* (отрывается от сознающего субъекта). А это значит, что

внутреннее, субъективное вместе с тем проецируется как бы в плоскость внешнего бытия, рассматривается по аналогии с ним. Это явствует из состава языка, из всех тех слов и выражений, которые служат для обозначения психических явлений, душевных переживаний. Подавляющее большинство из них *метафорично*, т. е. это слова и выражения, относящиеся первоначально к чувственным (внешним) явлениям и затем лишь в переносном смысле применяемые к психическим и духовным явлениям. Разные стороны, свойства, способности психической жизни рассматриваются по аналогии с самостоятельно существующими обособленными вещами. Отношения и связи духовного характера (мышления, эмоций, чувств) подводятся под пространственные и временные отношения чувственных вещей и явлений или фиксируются на их основе и по аналогии с ними (предлоги, падежи). Также и психические процессы, изменения, движения определяются по аналогии с пространственно-временными процессами, изменениями, движениями. (Логические связи и отношения: понятие, заключение, вывод, основание, противоположность и т. п.). Эта объективация психического, духовного, облечение его в чувственную форму (образы). Проникает и оформляет не только научное познание, но и художественное изображение, художественное восприятие. Поэт, художник своими художественными образами дает зрителю, читателю возможность осознать, прояснить себе то, что он сам переживал, смутно чувствовал, но не сознавал. Само чувство приобретает определенную значимость, осмысленность именно тогда, когда оно находит адекватное чувственное выражение, когда ему дается соответствующее его природе [выражение]. В этом заключается художественное значение метафоры, сравнения и некоторых других поэтических приемов. Словом духовное обретает свою силу и действенность через воплощение в чувственном. (Даже в области логики имеется и действует нечто аналогичное пространственно-временным отношениям: основание и следствие, подчинение и сочинение; объем и содержание и пр. Аббревиатура, стяженная форма или схема этих отношений). Не говоря уже о всей сфере представлений, образов воспоминания и воображения, которая целиком основана на данных восприятия. Исключения представляют те понятия и представления, которые обозначают определенные физические действия человека как по отношению к окружающей природе, так и к социальной сфере. Может быть еще некоторые понятия, обозначающие вообще отношения человека к миру или связь с этим отношением и с его действиями. Не символичны все понятия первичных ощущений, некоторых основных чувствований, эмоций, основного положительного и отрицательного тонаса человеческих переживаний. (Но это требует еще уточнения). Все же дальнейшее развитие этих отношений, уточнение и дифференциация их уже имеет символический (метафорический) характер. Таким образом вся картина мира, которая складывается в голове человека, насквозь пронизана символами. В области искусства это прежде всего символизация естественная, основанная на метафорах, сравнениях, аналогиях. В жизни практической (на пример

в области экономики, финансов) эта символизация — результат абстракции, обобщения новых понятий. Знаменательно, что именно то, что является наиболее субъективным, — чувства, настроения, эмоции раскрываются, развиваются, дифференцируются и осознаются через объективацию и символизацию. Одна — непосредственная объективация (непроизвольная) в действиях, в выражениях; другая опосредствованная, через рефлексивное осознание в словесных, звуковых или зрительных символах. Вне того или другого вида объективации и символизации — чувства представляют собой нечто неопределённое [неразбор.]. Таким образом между объективной и субъективной стороной бытия нет такого параллелизма, чтобы они изменялись и развивались в полном взаимном соответствии, но каждая из них отдельно (самостоятельно) от другой. Здесь имеет место своеобразное взаимное проникновение. Все вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что внутреннее развитие субъективного начала (психического, духовного) возможно лишь при помощи и через посредство объективации, символизации (непосредственной реальной или опосредственной идеальной, в слове-понятии, в чувственных образах). Но это только одна сторона взаимоотношений между субъективным и объективным. Субъективное не только опирается в своем бывании на объективное, но и со своей стороны является в известной степени основой объективного и необходимым условием его внутренней динамики. Эта обусловленность объективного субъективным сказывается в разных отношениях: во-первых, если взять элементарную материю познания-ощущения, то они имеют как субъективную, так и объективную сторону, при чем в качественно разных ощущениях и при разных установках сознания преобладает то одна, то другая сторона. Но сама качественная сторона ощущения — цвета, звука, запаха, вкуса имеет субъективно индивидуальный характер. Непосредственно его интерсубъективный характер не может быть доказан, т. е. что субъект А и Б, видя один и тот же предмет, испытывают качественно тоже самое ощущение цвета, звука, и т. д. Лишь опосредованно через сравнение, как перешиваются определенные структуры, в которые входят данные ощущения, можно с приближением (большим или меньшим) [знать], приписывают ли разные субъекты одному и тому же ощущению то же самое место (значения) в данной структуре. Иначе говоря, критерий объективности в смысле интерсубъективности значимости — здесь практический — одинаковость поведения всех субъектов в одинаковой ситуации, в одинаковых условиях.

Эти первичные данные являются результатом непосредственного, интуитивного усмотрения моего личного переживания. И тому, кто не обладает соответствующим чувственным органом (восприимчиком-реципиентом), никак не объяснишь и не передашь, что есть данное ощущение, каково его специфическое качество. В этом отношении в том, что случается с самой первичной данностью (что для эмпирического позитивизма есть основа познания и опыта) заключается необходимый, неустранимый субъективный момент.

В этом сказывается известная замкнутость индивидуального сознания, обусловленная его связанностью именно этим индивидуальным телом. И в этом один из великих аргументов субъективного идеализма и его предельной формы — солипсизма. Учение Юма: Я — субъект как личность, [неразбор.] сравнительно постоянных и повторяющихся ощущений.

Эта особенность никак не может быть упущена из виду, если взять в его непосредственной конкретности и ситуативности. Она связана с аспектом моей субъектности, поскольку я являюсь центром всего окружающего мира. И только в этой непосредственной интуитивной данности качества ощущения содержится момент несимволического безотносительного бытия, но только момент, ибо это специфическое качество никогда не дано в отдельности, а всегда в известных связях и отношениях, налагающих на него свою печать; его изоляция всегда является результатом известной выделяющей абстракции (окружение, фон, предшествующие впечатления и пр.). — Вообще простая данность и безотносительность (и там, где она как будто несомненная наличность) не есть нечто первичное, а результат уже известной привычки сознания (приспособленности), ведущей к упрощению его и к приобретению им характера известной индифферентности.

Mutatis mutandis тоже самое следует сказать о восприятиях. И здесь есть субъективная сторона — восприятие как переживание вот этого субъекта — и восприятие как аспект предмета. Качественная специфичность в ее конкретности сказывается в субъективной стороне, объективная сторона всегда уже результат определенной опытной обработки (внесение моментов прошлого опыта) и подчинения образа сложившегося общей схеме предмета. В обыденной практике преобладает этот уравнивающий объективный аспект (импрессионизм), который, однако, не исключает интерсубъективной значимости. Во всяком случае восприятие как субъективное переживание является основой для восприятия как предметного образа. Это последнее с одной стороны является основой для уточнения, обогащения (объективирования, фиксирования) восприятия переживания, с другой стороны является известным очищением его от субъективных моментов эмоциональной окраски, элиминированием ее и в этом некоторой невольной или намеренной абстракции. Поскольку незаинтересованное лично и непосредственно практическое научное познание направлено прежде всего и в основной своей интенции на объективный предметный образ, этот последний обычно приобретает при естественной (непроизвольной) настроенности сознания (установке) преобладающее значение и заслоняет собою восприятие-переживание, а это обстоятельство оказывает влияние на производные от восприятия психические образования (представления) — будь это образы воспоминания или образы воображения, между которыми, впрочем, нет четкой однозначной границы (она подвижна и относительна). А именно, когда психологическое исследование делает своим объектом сами представления, а не тот предмет, который они

представляют, то вполне естественно, что при свойственной научному познанию созерцательно-объективирующей установке (подходе) в качестве исследуемого предмета выступает (подсовывается) прежде всего предметный (обработанный объективацией, зафиксированный) образ, а не привычный образ-переживание, являющимся как бы следом пережитком — восприятия переживания.

Объективно-предметный аспект представления, взятый в отдельности, оторван от субъективного аспекта переживания ведет к незаконной субстанциализации или к овеществлению представлений, к пониманию их по аналогии с материальными вещами как психических вещей, обладающих известным постоянством, известной самостоятельностью, способных вступать в разнообразные сочетания (ассоциации) и вновь разъединяться, спускаться в бессознательное (забвение) и вновь подниматься в сферу сознания. Ср. Учение Гербарта о представлениях; но в более скрытой, нечеткой форме эта концепция продолжает сказываться и до настоящего времени. Здесь связь представлений вторична, произвольна, игнорируется отношение к личности, к «Я», или по меньшей мере не учитывается. Как только внимание психолога направляется на представление-переживание, то сразу выясняется неправильность атомистического взгляда на психические явления, выясняется необходимость рассматривать сознательную жизнь как поток сознания, в котором каждый момент — элемент определяется связью с другими моментами и прежде всего отношением к личности субъекта. А тем самым выступает и решающее значение эмоциональной стороны психики. Это не только чувственная окраска представлений и мыслей; а мощный динамический фактор. И далее: связь сознания с подсознательным, с инстинктами, влечениями и т. п. (в разных его слоях и формах).

Позитивистически единство потока сознания связывается с единством живого тела. Но это единство само динамично, есть единство органических жизненных процессов (сохранение равновесия в отношениях к окружающему миру, непрерывное его нарушение, сменяющееся восстановлением). Это лишь одна из сторон, объективный девиз единства личности (психики), как единства сознания и самосознания, но отнюдь [не] то, что его целиком исчерпывает и целиком к этой физиологической основе сводится. С позитивно-эмпирической точки зрения это единство личности («я») — бессодержательно, пусто, потому что ему не соответствует ничего, что можно было бы чувственно воспринять; оно не осязаемо, неосязаемо и потому рассматривается как конструкция ума, как нечто нереальное; реально лишь вечно меняющееся эмпирическое содержание сознания. (ср. Юма, его концепцию Я и в противоположность ей кантовское различие между эмпирическим сознанием и трансцендентальным единством апперцепции. Но в этом кантовском понимании «Я» есть известная двойственность: с одной стороны, это единство «Я» как самое основное условие возможности познания, как априорная основа научного знания; это объективирующая фиксация той роли, которую «Я»

играет в научном (объективно значимом) познании (т. е. момент, по существу, идеальный, не реальный). С другой стороны — это «метафизическая» реальность (Я самоопределяющейся нравственной личности); отсюда и идеализм Канта, не только как научная теория, а как учение выражающее, устанавливающее то, что на самом деле есть значение не только гносеологическое, но и онтологическое. Так нечувственное, самое идеальное превращается в самое реальное. К этому противоречию приводит отрицание умственной интуиции (интуиции нечувственного). Заслуга феноменологической школы (Гуссерля) установившей наличие идеальной интуиции (идеации), интуиции общего (идей). Но эта интуиция не ограничена только областью общего. В плане самосознания личности (Я) она включает в себе индивидуальный момент; который в своей объективации приобретает либо общий характер, либо воплощается в чувственном содержании и лишь в нем просвечивает.

Сведения об авторе:

Сеземан Василий — российский, литовский, советский философ-неокантианец марбургской школы, профессор Каунасского и Вильнюсского университетов.

Сведения о редакторе:

Йонкус Далиус — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Университет Витаутас Магнус, Каунас, Литва (e-mail: phenolt@yahoo.com). ORCID: 0000-0001-8879-878X

About the author:

Sesemann Vasily — Russian, Lithuanian, Soviet neo-Kantian philosopher of the Marburg school, professor at Kaunas and Vilnius universities.

About the editor:

Jonkus Dalius — PhD, Professor, Department of Philosophy, Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania (e-mail: phenolt@yahoo.com). ORCID: 0000-0001-8879-878X